

Министры переглянулись, переводя взгляды на Сяо Ханя, Сяхоу Дина и Шэнь Мубая. Раз уж Юнь Фэй вызвала их сюда, дело определенно касалось этой троицы.

Сяхоу Дин внезапно изменился в лице. Его губы дрожали, и прославленный на полях сражений генерал теперь выглядел совершенно потерянным. На его длинном мече висела нефритовая подвеска, на которой была выгравирована строчка из стихотворения.

Лицо Шэнь Мубая, и без того бледное, покрылось испариной. Нефритовой подвески у него не было, зато имелся ароматный мешочек, в котором хранился платок, подаренный Юнь Цзиньсэ. На платке было вышито: Если двое преданы друг другу навек, то не важно, вместе они или врозь.

А вот благородный и утонченный Сяо Хань с невинным и озадаченным видом смотрел на остальных. Он был знаком с Юнь Цзиньсэ недолго и питал к ней лишь легкую симпатию, которая мгновенно улетучилась, как только он узнал, что девушка раздает свои платки кому попало.

— Моя сестрица — настоящая бизнес-леди. Мало того, что она вырезала эту строчку на нефрите и подарила одному, так еще и вышила ее на платке для другого мужчины, — Юнь Фэй с презрением посмотрела на дрожащую, смертельно бледную Юнь Цзиньсэ. Она видела немало попаданцев, но Юнь Цзиньсэ была самой глупой из всех. Украла стихи — ладно, но украла бы хоть побольше! А так — одно и то же стихотворение разным мужчинам, уровень просто ниже плинтуса. Ей доводилось встречать таких героинь-мэриью: у тех бывало по десятку мужчин, и каждому она посвящала разные стихи.

Что ж, даже среди мэриью есть свой сорт качества.

Юнь Цзиньсэ охватила тревога. Она понимала, что нельзя позволить Юнь Фэй продолжать. Сверкающие слезы выступили в уголках ее глаз, кожа, белая как снег, казалась болезненно хрупкой, словно она вот-вот упадет в обморок. Дрожащим, смиренным голосом она промолвила:

— Сестра, я знаю... ты никогда меня не любила, но сегодня... ты зашла слишком далеко.

Она недоговорила, оставляя простор для воображения, словно Юнь Фэй постоянно ее притесняла. Раньше этот трюк безотказно заставлял ее мужчин бросаться на защиту, но теперь он не работал. Все присутствующие министры, кроме Шэнь Мубая, смотрели на Юнь Цзиньсэ с подозрением. Даже Чу Тяньлин, которого она так нежно любила, смотрел на нее с сомнением. В конце концов, он любил ту Юнь Цзиньсэ, которую сам себе вообразил — чистую и непорочную. Как бы сильно он ни был привязан, он не смог бы принять женщину легкого поведения, которая вешает ему лапшу на уши.

— Ха, — Юнь Фэй закатила глаза и холодно усмехнулась. — Разве не так ты охмурила этих троих? Говоришь, я властная и высокомерная? Куда мне до тебя! За один месяц знакомства встретила третьего принца, через шесть месяцев уже любила правого канцлера, а на седьмой месяц вручила знак любви молодому генералу Сяхоу. А теперь, пользуясь случаем на

поэтическом собрании, закрутила с наследником князя Ци. Искусная работа, ничего не скажешь! Если бы в армии было побольше таких, как ты, на границе каждый год не погибало бы столько солдат.

Юнь Фэй прямо назвала Юнь Цзиньсэ шпионкой врага. В самом деле, какая еще женщина, кроме шпионки, могла бы быть столь распутной, чтобы одна за другой крутить головы высокопоставленным особам?

Шэнь Мубай не был глупцом. Напротив, будучи стратегом группы главных героев, он решал для третьего принца множество дел, включая вопросы с прежней владелицей тела. Он любил Юнь Цзиньсэ, но мозги у него были на месте. Он закрыл глаза, и в душе его стало холодно: оказывается, любовь с первого взгляда была лишь чьим-то расчетом.

Юнь Цзиньсэ что-то лепетала, не зная, что ответить. Раньше в такие моменты ее возлюбленный Чу Тяньлин всегда вставал на ее защиту, но теперь он лишь хмурился, глядя на нее с недоверием. Сначала он был подозрительным принцем, и лишь потом — ее любовником.

— Несколько месяцев назад в столице обнаружили лазутчика из государства Ляо. Кто это был и какое положение занимал в Ляо, думаю, моя сестрица должна знать лучше всех, — взгляд Юнь Фэй, острый, как клинок, был прикован к Юнь Цзиньсэ.

Лицо девушки побелело. Она мгновенно вспомнила того высокого, статного мужчину, от одного вида которого у нее сердце начинало биться чаще. Она отвела глаза и, пытаясь сохранить самообладание, пробормотала:

— Я не понимаю, о чем ты.

Чу Тяньлин открыл рот, собираясь вступить за нее, но, наткнувшись на мрачный и грозный взгляд отца-императора, в итоге опустил голову и замолчал, проигнорировав мольбу о помощи.

— Не понимаешь? Ты даже свой нагрудник ему отдала, с вышитыми на нем уточками-мандаринками, — голос Юнь Фэй был полон презрения, словно она насмеялась над низостью и бесстыдством Юнь Цзиньсэ.

Встретившись с этим насмешливым взглядом, Юнь Цзиньсэ, сама не зная откуда, набралась смелости и выпалила:

— Это не я дала, он сам его отобрал!

В зале воцарилась тишина.

Чу Тяньлин почернел от ярости. Раньше он мог бы списать все на клевету Юнь Фэй и продолжать верить Юнь Цзиньсэ, но ее собственные слова показали, насколько нелепа была его вера. Женщина, которую он любил, оказалась распутной девицей без стыда и совести.

Насколько же надо быть опустившейся, чтобы позволить мужчине отобрать у себя нижнее белье? Он боялся даже думать об этом.

Сделав глубокий вдох и не в силах сдержать гнев, Чу Тяньлин отвесил Юнь Цзиньсэ звонкую пощечину и, не стесняясь в выражениях, выплюнул:

— Дрянь!

Юнь Цзиньсэ была слаба здоровьем и рухнула на пол. Она прикрыла рукой распухшую щеку, уголок ее рта окрасился кровью. Она не могла поверить в происходящее, ее прекрасные глаза расширились от ужаса.

Чу Тяньлин больше не хотел смотреть на эту мерзавку. Он безжалостно оттолкнул ее ногой, отошел в сторону и отвернулся. Юнь Цзиньсэ застыла в оцепенении — она не ожидала от него такой жестокости.

Юнь Фэй прикрыла рот рукой, тихо смеясь. Вот она, настоящая любовь — посмотрите, какая хрупкая и нелепая.

— Кто этот человек? — спросил император, наблюдавший за представлением.

— Его зовут Елюй Гу, он наследный принц государства Ляо. Что меня больше всего удивляет — моя сестрица встретила его в борделе. Вместо того чтобы жить приличной жизнью, она подалась туда работать куртизанкой. Смешно, не правда ли?

Юнь Цзиньсэ не понимала, что тут смешного. Как попаданка, как она могла не похвастаться своей красотой и талантами в борделе? Поэтому, нагулявшись, она сменила имя и стала певицей. Песня Водная мелодия привлекла внимание множества сановников и поэтов столицы, а также Елюй Гу, который приехал в государство Цзян под видом простого человека, чтобы выведать новости.

Юнь Фэй, конечно, понимала, что это нелепое поведение — результат «ореола главной героини», но император и министры не сочли Юнь Цзиньсэ невинной. Они были убеждены, что она шпионка из Ляо, а настоящая Юнь Цзиньсэ была убита.

Сяхоу Дин и Шэнь Мубай, будучи «преданными» персонажами оригинальной истории, теперь дрожали от страха, стоя в зале; их одежда насквозь промокла от пота. Оба они воспитывались как опора государства, и в их душах вера в служение стране была превыше всего.

И все же они были на волосок от того, чтобы стать предателями. Осознав, что натворили, Шэнь Мубай обмяк и повалился на пол. Министры, которые раньше высоко ценили его, теперь лишь разочарованно качали головами.

Император закрыл глаза и отдал приказ:

— Проверить!

Вскоре у всех троих провели обыск. Нефритовые подвески и платки из мешочков, о которых говорила Юнь Фэй, были изъяты. Теперь Чу Тяньлин смотрел на Юнь Цзиньсэ с нескрываемым отвращением.

Император велел привести слугу. У того было уродливое лицо с огромным черным пятном, выглядел он пугающе. Казалось, он был не в своем уме. Увидев лежащую на полу Юнь Цзиньсэ с распухшим лицом, он, не кланяясь, бросился к ней и обнял, причитая:

— Барышня, что с вами?

Юнь Цзиньсэ еще не была замужем, и видеть ее в таких близких отношениях с низким слугой на глазах у всех министров было за гранью приличия. Люди смотрели на нее с еще большим подозрением: даже если она шпионка, зачем так стараться? Неужели она настолько распутна?

Юнь Цзиньсэ покраснела от ярости и попыталась вырваться из объятий уродливого мужчины. Но сил у нее было мало, и она не могла справиться со слугой, привыкшим к тяжелой работе.

— Отпусти меня! — закричала она, изо всех сил колотя его.

В конце концов, император не выдержал и приказал их разнять. Все это время Чу Тяньлин даже не взглянул на нее.

Когда мужчину оттащили, он продолжал смотреть на Юнь Цзиньсэ с обожанием. Заметив его лицо и сальные взгляды, Юнь Цзиньсэ чуть не стошнило. Мужчина был настолько жалок, что у императора даже не возникло желания допрашивать его. Евнух подошел и тихо задал ему несколько вопросов. Мужчина вдруг забился, его уродливое лицо побагровело, и он заорал в сторону Юнь Цзиньсэ:

— Барышня! Барышня, вы моя! Вы забыли? Вы дали мне платок, носки, вы отдали мне свое нижнее белье! Вы точно меня любите!

Его глаза горели безумием, а слова перешли все границы дозволенного. Теперь все поняли, насколько распутна Юнь Цзиньсэ — она даже свои носки отдавала! Это же предмет интимного гардероба!

На самом деле все было не совсем так. Юнь Цзиньсэ, хоть и не соблюдала древних правил, все же имела представление о девичьем стыде. Она дарила слуге лишь платки. Но этот мужчина, с рождения уродливый, отвергнутый родителями и высмеянный обществом, был крайне неуравновешен. Его крайняя неуверенность в себе привела к психическим отклонениям: он решил, что если барышня подарила ему платок, значит, она его любит, а носки и нагрудник он украл из ее комнаты тайком, чтобы удовлетворять свои желания. Юнь Цзиньсэ не повезло столкнуться с таким человеком, но эта неудача была следствием ее собственного поведения.

За все годы существования династии император впервые видел столь... бесстыдную женщину. Он потер переносицу и нетерпеливо махнул рукой. Стража потащила слугу прочь, а тот вопил имя Юнь Цзиньсэ, словно они были влюбленными, разлученными смертью.

Даже такая глупая, как Юнь Цзиньсэ, поняла, что дела плохи. Она поползла к ногам Чу Тяньлина, ее глаза были полны слез, а хрупкие пальцы вцепились в подол его халата, побелев от напряжения. Она держалась за него, как утопающий за соломинку:

— Тяньлин, это не так! Он лжет, поверь мне, я люблю только тебя!

Ее глаза покраснели от слез, левая щека сильно опухла — она выглядела еще более жалкой, чем после издевательств Юнь Фэй, но Чу Тяньлин больше не испытывал к ней жалости. Он с силой пнул ее в грудь, отшвырнув на три-четыре метра, словно надеясь таким образом откреститься от нее.

Последняя капля сочувствия исчезла из глаз императора. Если бы Чу Тяньлин защищал ее до того, как узнал, что она шпионка, император мог бы списать это на то, что его одурачили. Но теперь было ясно: его старший сын — жестокий и безмозглый человек, у которого есть все задатки тирана.

Юнь Фэй заправила прядь волос за ухо. Она отчетливо чувствовала, как удача главных героев рассеивается с невероятной скоростью.

Чу Тяньлин и Юнь Цзиньсэ были обречены!

Они были обречены рухнуть в бездну, из которой им уже не выбраться. Юнь Фэй отвела взгляд, ее лицо выражало гордость и невозмутимость — она выглядела более величественно, чем сам принц Чу Тяньлин.

Юнь Фэй не собиралась преследовать их дальше, но император, как монарх, должен был довести дело до конца.

— Как Елюй Гу удалось сбежать? — голос императора звучал холодно, сдерживая гнев. Министры опустили головы, не смея встретиться с ним взглядом.

Юнь Фэй посмотрела на обмякшего Шэнь Мубая. Как самый умный в их компании, он уже осознал, что они совершили тяжкое преступление, и потому был так напуган.

— Елюй Гу смог сбежать не без помощи этих господ. Третий принц, узнав, что его возлюбленная хочет выехать из города, поспешил подготовить усадьбу за городской чертой и распорядился вывезти туда несколько сундуков. Когда стража остановила Юнь Цзиньсэ, она предъявила жетон, полученный от правого канцлера, требуя пропустить ее. Стражники не подчинились, и тогда появился молодой генерал Сяхоу и силой вывез ее из города. Генерал Сяхоу, скажите, в тот момент наследный принц Ляо прятался в сундуках или в карете Юнь Цзиньсэ?

Сяхоу Дин, уже покрытый холодным потом, повалился на колени:

— Виноват!

Великий генерал Сяхоу разочарованно покачал головой, глядя на сына. Он думал, что тот просто ослеплен женщиной, но не ожидал, что он дойдет до такого.

— А я тут при чем? — Сяо Хань недоуменно посмотрел на Юнь Фэй. Он признавал, что питал симпатию к Юнь Цзиньсэ, но до любовной связи дело не доходило.

Юнь Фэй почесала щеку и смущенно произнесла:

— Ой, забыла сказать. Юнь Цзиньсэ сначала предъявила твой нефритовый кулон, но стража не обратила внимания.

Сяо Хань метнул на нее пронзительный взгляд. Он не злился на Юнь Фэй, просто чувствовал себя униженным. Юнь Фэй невольно задержала на нем взгляд: этот наивный и мягкий наследник князя Ци был настоящим простаком. Юнь Фэй прикрыла рот улыбкой — она сама в свое время была такой же, но даже она не была настолько наивна.

Губы Шэнь Мубая потеряли всякий цвет. Тот, кто когда-то был гордостью общества, теперь выглядел жалким и сломленным. Он пробормотал:

— Откуда ты знала?

— Моя мать перед смертью оставила мне много людей. Если я хочу что-то узнать, я всегда узнаю, — когда Юнь Фэй произнесла это, император на троне остался невозмутим — было ясно, что он давно знал о людях вокруг нее.

Кто-то говорил, что Юнь Фэй рождена с судьбой императрицы. И это было правдой: вышла бы она замуж за Чу Тяньлина или нет, она должна была стать императрицей. Это было обещанием императорской семьи и Вэй Эрнян.

В те годы, когда Вэй Эрнян возглавляла повстанческую армию, ее влияние было огромным. Если бы не тот факт, что она была женщиной и не имела наследников, еще неизвестно, кому бы принадлежал этот мир — роду Чу или роду Вэй. Юнь Фэй с странным чувством вспомнила слова Вэй Эрнян, сказанные перед смертью: она уловила в них любовь к Чу Саньнян.

Не отвлекаясь на детали: когда семья Чу стала правящей династией, они дали обещание Вэй Эрнян, что ее дочь станет императрицей, а ее внук — императором. Это был способ разделить власть с родом Вэй, иначе семья Чу не смогла бы так легко подчинить себе других лидеров повстанцев.

Юнь Фэй стала императрицей не потому, что вышла замуж за Чу Тяньлина, а потому, что у них была помолвка, дававшая Чу Тяньлину право претендовать на трон. Об этом знали только Юнь

Фэй и император.

Поэтому вокруг Юнь Фэй всегда были люди, чья сила превосходила даже тайных стражей императора. Они не преследовали целей против короны — просто Вэй Эрнян была настолько сильна, что ее влияние было глубже, чем у тогдашней семьи Чу.

Став императорской семьей, род Чу был вынужден идти на это, потому что не мог уничтожить влияние Вэй, а опасался их недовольства. Даже если Вэй Эрнян была равнодушна, кто знал, что будет с ее потомками? Этот план убивал двух зайцев: дочь Вэй Эрнян становилась императрицей, ее сын — императором, и у рода Вэй не оставалось причин для предательства, напротив, они оказывались прочно связаны с правящим домом. А влияние, принадлежавшее роду Вэй, со временем переходило в руки императорской власти.

Вэй Эрнян понимала планы семьи Чу, но это было лучшим исходом: у ее рода не было повода для бунта, у императорской семьи — предлога для расправы.

Шэнь Мубай слушал ее слова с изумлением. Он хотел спросить: если у тебя была такая сила, почему ты столько раз позволяла им строить козни?

Юнь Фэй, словно прочитав его мысли, холодно усмехнулась:

— Я заботилась о государстве. Если бы вы не вынудили меня и не связались с Ляо, я бы никогда не воспользовалась этими силами.

Она действительно не хотела использовать тайных стражей матери, боясь, что, пустив их в ход, она навсегда потеряет свою чистоту. Власть способна развращать сердца. Силы, оставленные Вэй Эрнян, были способны вызвать потрясения в стране.

Шэнь Мубай понял ее слова и беззвучно заплакал. Он считал себя одаренным и преданным стране, но не подозревал, что был самым глупым человеком на свете.

Юнь Фэй не выступала против них и не жаловалась императору, несмотря на его любовь, по простой причине: все знали, что третий принц, скорее всего, станет следующим императором, а Юнь Фэй — будущей императрицей. Если бы стало известно об их разладе, это выставило бы их на посмешище и было бы использовано врагами.

Шэнь Мубай отвесил себе пощечину — его светлая кожа мгновенно покраснела. Он был невыносимо глуп! Ради такой женщины, как Юнь Цзиньсэ, он забыл обо всем на свете. Что он наделал!

Император, услышав этот звук, лишь холодно скользнул по нему взглядом. Он не собирался защищать даже родного сына, не говоря уже о Шэнь Мубае.

Теперь Юнь Фэй не нужно было ничего делать. Император был в расцвете сил, обладал умом и

талантом полководца, и он никогда бы не позволил, чтобы его наследником стал такой эгоистичный, жестокий и безмозглый глупец, потерявший голову из-за женщины. Что касается Шэнь Мубая и Сяхоу Дина, император не будет наказывать их слишком сурово из уважения к их семьям, но Шэнь Мубай лишится должности канцлера, а Сяхоу Дин будет понижен в звании.

Словно костяшки домино, стоило слегка подтолкнуть одну, как все остальные рухнули в кратчайшие сроки.

Дальнейшее было уже не в компетенции Юнь Фэй. Она была всего лишь уездной княжной и не должна была участвовать в обсуждениях, но император не отпустил ее из дворца, оставив под предлогом того, что по ней скучает наложница-гуйфэй.

После смерти прежней императрицы печать императрицы перешла к гуйфэй, которая управляла гаремом. Она происходила из знатного рода, была красива, статна и жила с императором в гармонии. У них был сын — четвертый принц Чу Тяньи. Император отправил ее к гуйфэй, очевидно, для обсуждения важных дел, а также ее будущего брака.

Из пяти принцев ей по возрасту подходили третий и четвертый. Третий был лишен шансов на престол, и император, вероятно, делал ставку на четвертого.

Юнь Фэй последовала за дворцовым слугой в покои Цилуань. Внутри гуйфэй была одета в оранжево-красное платье, украшенное золотой вышивкой на воротнике и рукавах, поверх которого была наброшена легкая прозрачная накидка. Только такая женщина могла занимать место гуйфэй.

Не дожидаясь поклона, гуйфэй с улыбкой подошла к ней, взяла за руки и повела вглубь покоев:

— Мы с твоей матерью были близкими подругами, к чему эти формальности? Зови меня тетушкой Ин. Здесь нет чужих, не стоит соблюдать эти правила.

На самом деле, поскольку государство Цзян существовало не так долго, правила во дворце не были слишком строгими. Гуйфэй, хоть и происходила из аристократии, имела огненный характер и редко называла себя «наложницей», а в гневе могла даже перед императором назвать себя «твоей слугой».

<http://bllate.org/book/21612/2229333>